

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

УДК 82.091; 821.133.1.05

ГРАФ В.А. СОЛЛОГУБ И КАВКАЗ

© 2012 г.

И.Л. Багратион-Мухранели

Московский городской психолого-педагогический университет

mybagheera@mail.ru

Поступила в редакцию 08.07.2012

Рассматривается разнообразная деятельность В.А. Соллогуба на Кавказе, произведения, посвященные Грузии, которые знаменуют определенный этап в разработке кавказской темы в русской поэзии, попытке синтеза русской литературы и местного колорита, создания «кавказской словесности».

Ключевые слова: Кавказ, романтизм, жанр, местный колорит, ирония, утопия, миф, просвещение края.

Соллогуб попадает на Кавказ в зените славы, успеха художественного и коммерческого. Роскошно изданный тиражом 5000 экземпляров «Тарантас. Путевые впечатления» В. Белинский назвал на первом месте среди новых книг в обзоре русской литературы 1845 года. О повести положительно отзывались Гоголь и Жуковский, в критике она оказалась в центре полемики западников и славянофилов. Два попутчика – мечтательный западник Иван Васильевич и прагматичный помещик Василий Иванович – представляли две точки зрения на Россию: утопическую и реальную, заставляли спорить о позиции автора.

Оказавшись с февраля 1851 года в Тифлисе в канцелярии нового наместника Кавказа графа М.С. Воронцова, В.А. Соллогуб получает возможность реализовать обе ипостаси своей натуры – и литературную, и социально-общественную, а также воплощать смелые замыслы в жизнь. По свидетельству А.К. Бороздина, служившего на Кавказе, Соллогуб благодаря «умению расшевелить общественную жизнь» сделался в Тифлисе «центральной личностью» [1, с. 695].

Творчество В.А. Соллогуба оказывается поразительно разнообразным. Он пишет по заказу Воронцова «Биографию генерала П.С. Котляревского», первая часть которой печатается в газете «Кавказ». Работает и над другим историческими исследованиями времен присоединения Грузии к России — описанием Персидского похода 1796 года, русско-персидской войны 1804-1813 годов, состоянием Грузии накануне вхождения в состав Российской империи и сразу после этого.

В.А. Соллогуба заботит состояние края, он содействует и экономическому процветанию, и формированию новой, русско-кавказской культуры. Автор «Тарантаса» выступает с самыми разными темами, обращается к разным жанрам. Здесь и описание алагирских рудников, и рассказ о спектаклях итальянской оперы, и этнографические и путевые очерки, посвященные таким городам, как Боржом, Манглис, и искусствоведческие, художественно-критические статьи. Он много печатается в газете «Кавказ». Статью «Возобновление Сионского Собора в Тифлисе» издает отдельным оттиском. Стиль его тифлисских выступлений прост, изящен и передает задушевные мысли автора. Предмет его размышлений – синтез русской и грузинской культур, создание нового органического целого. «Кто бы мог подумать, что теперь на Кавказе, откуда разносятся по всей России звуки битв и побед, совершается тихомолком мирный, многозначительный, в высшей степени замечательный подвиг, подвиг христианский и художественный в одно время?» – задается вопросом В.А. Соллогуб в статье «Возобновление Сионского Собора в Тифлисе». «Византийское зодчество, издревле воцарившееся в некоторых частях Кавказа, имеет для нас, Русских, высокое значение как коренной, символический, наружный первообраз нашей Церкви. В этом отношении Сионский собор должен сделаться не только принадлежностью Грузии, но и целой России, указывая уже в самом своем основании на тот священный союз, который после многих веков должен был соединить Россию и Грузию неразрывными узами. При настоящей перделке здания, постоянная забота художника устрем-

лялась к сохранению чистых византийских начал, без примеси всякого искажения, без вмешательства каких-либо светских или иноверческих начал. В этом и заключается, по нашему мнению, одно из преимущественных достоинств труда князя Гагарина. Византийская церковная живопись не отличается, конечно, чувственною прелестью итальянской школы, но как выражение самой веры греческая иконопись и должна резко отделяться от католической. Она сохраняет характер отличительно-духовный, не изысканный, преисполненный простоты и глубокого чувства, изумляющий или величием громадных ликов, или спокойной строгостью рисунка. Она не льстит чувствам, но поражает душу, не заставляет восхищаться произведением рук человеческих, а напоминает человеку про величие Божие, про собственное ничтожество, про то, что вне храма нет ему спасения» [2, с.1,5].

В литературной деятельности тифлисского периода Соллогуб обнаруживает разносторонность интересов и знаний, художественный вкус и широту дарований. Позиция светского человека, осведомленного во всем понемногу, дает ему возможность раскрыть разные грани литературного таланта. Будучи через жену в родстве с Виельгорскими, известными музыкантами-меценатами, Соллогуб и сам хорошо разбирался в музыке. Задумав в 1855 году издание первого общекавказского литературного альманаха (совместно с Е. Вердеревским), он дает ему музыкальное название «Зурна». В обращении к читателю в первом номере журнала читаем: «Зурною в Грузии собственно называется духовой инструмент, играющий господствующую роль в туземном грузинском оркестре; но как всякое *целое* получает название от одной из своих *частей*, то и грузинский национальный оркестр получил название от господствующего в нем инструмента, – и сказать *зурна*, – в Грузии значит назвать целый оркестр, употребляемый туземцами при всяком малом и большом, домашнем и общественном празднике. Этот оркестр составляется из коротеньких рожков, наподобие кларнетов, (собственно — *зурна*), из *дайры* — бубна, *димплинто* — барабанов, *чонгур* и/или *чианури* — скрипки, *ствири* – дудки. Первый закавказский альманах назван *зурною* не потому, чтобы в этом литературном оркестре преобладал *исключительно* элемент туземный, как зурна в туземной музыке: по многим причинам нельзя было допустить исключительности в этом отношении. Но назвать *зурною* первый литературный сборник казалось приличным в особенности потому, что можно допустить некоторое сходство между

грузинской зурною и первым литературным сборником, издаваемым в Грузии: и зурна, и наш альманах – дети Азии. Кроме того, как от азиатской зурны нельзя ожидать полной музыкальной стройности, так и от первого закавказского альманаха несправедливо было бы требовать совершенной стройности в литературном отношении. Поэтому самая искренняя скромность побуждает издателя заранее просить снисхождения и читателя, если настоящий тифлиссский литературный оркестр на первый раз покажется им несколько *зурноватым*» [3, с.1].

Это «умаление» было своего рода фигурой речи. Незадолго до выхода в свет «Зурны» Соллогуб составил в 1845–1846 годах литературный сборник «Вчера и сегодня», где были напечатаны произведения Лермонтова, Жуковского, Вяземского, гр. Ростопчиной, Языкова, Бенедиктова, А. Майкова, проза А.К. Толстого. А М.Ю. Лермонтов, собиравшийся, выйдя в отставку, издавать вместе с В.А. Соллогубом литературный журнал.

Альманах «Зурна» был напечатан на русском языке и адресован тем, кто находился вдали от Тифлиса и не отдавал себе ясного отчета в богатстве и разнообразии закавказских культур. Сначала шли стихотворения, затем статьи в прозе, рассказы, этнографические легенды. Соллогубу удалось собрать интересный коллектив авторов. Здесь были напечатаны «Воспоминания о Брюллове» Г.Г.Г. (Гагарина), «Идеал красавицы по восточным понятиям» (статья имела подзаголовок «буквальный перевод письма в стихах от Моллы-Пенаха, визирия Карабахского владетеля, к Вакифу, приближенному Имеретинского царя», сделанный известным азербайджанским поэтом Мирзой Фатали Ахундовым). Опубликованы были также Пшавская быль «Оборванец», написанная кн. Р. Эристовым, видным грузинским драматургом, «Осетинская Сафо» – Н. Бердзеновым, «Лозы любви. Кистинское предание» – Н. Цискаридзе и даже повесть «Нато и Ана», подписанная «Будущая грузинская писательница». Сам Соллогуб поместил пьесу «Ночь перед свадьбой, или Грузия через тысячу лет».

Соллогуб привлек авторов самых разных национальных традиций и надеялся, что эта разноголосица со временем сложится в оркестр «кавказской словесности», подлинно имперский синтез, основанный на внутреннем просвещении края, о чем деятельно заботился наместник Кавказа – граф М.С. Воронцов.

С уходом Воронцова в отставку Соллогубу также вскоре придется покинуть Тифлис, что можно рассматривать как потерю и для края, и для самого писателя.

В 1857 году Добролюбов, рецензируя в «Современнике» (№ 7) пятитомное собрание сочинений Соллогуба, сознавался: «При разборе нашем не брали мы в расчет биографии Котляревского, почти не касались водевилей и драм графа Соллогуба, равно как и «Салалакских досугов» и альбомных стихотворений. Не на них основана слава графа Соллогуба: он известен русской публике как юморист и повествователь, и мы старались рассматривать его с этой стороны, чтобы объяснить факт охлаждения к нему публики» [4, с. 167]. Великий критик, будь он сколько-нибудь беспристрастным, уже за разнообразие тем и жанров произведений должен был бы отнестись более внимательно к рецензируемому автору. Но Добролюбов не может простить Соллогубу, что тот занимается литературой как дилетант, светский человек, в отличие от идейно ангажированного Добролюбова. И не может простить его взглядов, христианских, исполненных любви к инаковому, другому, ищущему воплощения социальной гармонии.

Двух станов не боец, но только гость случайный,

За правду я бы рад поднять мой добрый меч,
Но спор с обоими — досель мой жребий тайный,

И к клятве ни один не мог меня привлечь;
Союза полного не будет между нами —
Не купленный никем, под чье б ни стал я знамя,

Пристрастной ревности друзей не в силах снести,

Я знамени врага отстаивал бы честь [5, с. 260]

Сходная позиция, сформулированная графом А.К. Толстым, современником В.А. Соллогуба, позиция собственно художественная, объединяющая нацию, никогда не вызывала одобрения русской критики и русского общества, ограниченного партийными пристрастиями.

Добролюбов отказывается писать о кавказских произведениях Соллогуба, потому что это не укладывается в его концепцию писательской судьбы — блестящего дебюта, вершины творчества — повести «Тарантас» и вторичности = устарелости остального творчества. Подметив одну из черт его стиля — наблюдательность и умение передавать чужую речь, критик не хочет видеть что-либо еще.

Добролюбов решительно отказывается сколько-нибудь глубоко анализировать прозу Соллогуба, считая его «юмористом», но при этом не показывает своеобразия иронии Соллогуба. И совершенно не оценивает его деятельность с социальных позиций в качестве одного из энергичных просветителей Кавказского края.

В.А. Грехнев в диссертации, посвященной первому периоду творчества Соллогуба, поднимает важную для писателя тему утопии, соотношения иллюзии и действительности. «Смех сталкивается в «Тарантасе» с иллюзиями, ослаблявшими силу сатирического удара. Осмеиваемым утопиям противопоставлялись столь же беспомощные утопии. Однако противоречивость авторской мысли сказалась и в том, что Соллогуб не потерял способность взглянуть на свои иллюзии как бы «со стороны». Таким образом, собственно утопия Соллогуба словно бы становилась предметом внутреннего обсуждения, внутренней полемики. У этой полемики автора с самим собой не оказалось итога. Картина финального крушения тарантаса, продолжая линию трезвой ориентации на действительность, объективно ставила под сомнение идейную итоговость последней главы, а вместе с нею и прочность авторской веры в жизнеспособность мечтательных предначертаний. Сквозное противоречие авторского мышления, противоречие между утопическим визионерством и трезвым ощущением реальности, не было снято идиллическим сновидением в финале, обуславливая внутреннюю незавершенность сюжета» [6, с.17].

Утопия станет предметом изображения в пьесе «Ночь перед свадьбой, или Грузия через тысячу лет». Пьеса — изящная комедия-утопия. В ней Соллогуб использует двуязычие, широко применяя выражения грузинского языка при характеристике персонажей. Он обращается к своему любимому приему. Герой засыпает и оказывается в 2853 году. И видит прогресс, перемены как технические, так и психологические. Люди будущего извиняются, если им не удастся совершить доброго дела или подвинуть к его совершению ближнего. Вежливость и предупредительность — нормы общения. О наказаниях они знают понаслышке. Полицейскими приставами работают женщины. Основное средство передвижения — воздушный шар. Париж — место не интересное и банальное. Закавказье представлено как центр культуры и цивилизации. Поскольку все это видится во сне подвыпившему герою, автор не настаивает на том, что это единственно верная точка зрения.

Мир Соллогуба театрален по сути. Его произведения балансируют между фантазией и зорко подмеченной деталью действительности.

Благодаря театральности создания Соллогуба живут в современности — не в вечности. И отсюда тяга автора к журнализму, к блестящей устной фразе, разнообразию интересов. Все это глубоко чуждо Добролюбову. Так же как материалы по этнографии Кавказа, его экономике, истории, новой литературе, создаваемой в период правления Воронцова.

Все это вызывает далеко не объективную оценку Добролюбова. «Он решился даже из светлой сферы поэзии спуститься в область смиренной прозы и сделался статистиком, этнографом, историком, биографом, туристом, даже критиком и историком литературы... Он составлял точные сведения «об изменениях на Лезгинской линии», описывал весьма тщательно «Алагирский серебро-свинцовый завод», изображал грузинские нравы в окрестностях Тифлиса, составил биографию Котляревского, написал «Несколько слов о начале кавказской словесности» [4, с.166]. Почему все это оценивается как явления негативные – не понятно. Думается, что дело здесь было не в литературных расхождениях, а в политических. Соллогуб стремился воплотить имперский принцип как позитивное, цивилизаторское и объединяющее начало. Добролюбов, ориентированный на развал империи и революционные конфликты, не мог положительно оценить то, что делал Соллогуб на Кавказе. Отсюда и пристрастность в оценке его литературного творчества.

«В любви русских к Кавказу, и в особенности к Закавказью, таится много других побуждений: духовное братство с местными жителями по вере, сознание беспримерного заступничества, воспоминание о кровавых жертвоприношениях, надежда на прекрасное возмездие, выраженное не только щедротами природы, но и цветущим состоянием края, образующую, безспорно (орфография авторская. – *И. Б.-М.*) нашу русскую Италию... Там, например, до сего времени еще мало обращено внимания на то благодатное действие, которое Кавказ мог бы иметь и на русскую словесность и на русское искусство вообще» [7, с. 495], – писал Соллогуб.

На Кавказе Соллогуб предстал перед читателем и как лирический поэт, и как драматург, и как прозаик, журналист, театральный критик, публицист, этнограф, военный историк.

К тому времени, когда Соллогуб писал о Кавказе, в русской литературе уже существовал Кавказ – край свободы и любви, «ужасный край чудес» романтических поэм Пушкина. Трагический Кавказ Лермонтова, «синие горы», навевающие доисторические, библейские образы, которые перекликались с образами и обычаями горских народов, Кавказ как потерянный рай. Был описан и Кавказ экзотический, авантюрно-роковой, но пересыпанный блестками аффектированного авторского остроумия, так называемыми «марлинизмами», – топос повестей А. Бестужева-Марлинского.

Тем не менее Соллогуб нашел свои краски, свою интонацию. Его Кавказ сродни гетевскому Востоку из «Западно-Восточного Дивана» («На

Восток ты скройся дальний // Воздух пить патриархальный»). Кавказ Соллогуба – «замиренный». И, можно сказать, – «дельный». Но не сухой и прагматичный. Писатель находит точные выражения, сохраняет интонацию музыкальности, к какому бы стилю и виду литературы он ни обращался.

В 1855 году в Тифлисе граф Соллогуб выпускает сборник стихов «Тридцать четыре альбомных стихотворения». После несостоявшейся дуэли с Пушкиным, приревновавшим Наталью Николаевну к молодому Соллогубу, происходит сближение с Пушкиным. «Он поощрял мои первые литературные опыты, давал мне советы, читал свои стихи и был чрезвычайно ко мне благосклонен» [8, с. 467], писал Соллогуб в «Воспоминаниях». По свидетельству Я. Полонского, также служившего при Воронцове на Кавказе, стихи слишком легко давались графу и он почти не ценил свой дар. «Стихи не в моде уж давно// Стихи плохие – и подавно», – писал Соллогуб о себе. Тем не менее в выпущенном в Тифлисе небольшом собрании стихотворений, «стихотворных лоскутков», как их называет автор, есть подлинные удачи. «Княгине Ю.С. Г...ой» («Нет, не люблю я Вас// Да и любить не стану») и «Старая песня» («Забыли Вы и не сдержали слово») были положены на музыку Алябьевым и стали популярными романсами.

С выходом в отставку графа М.С. Воронцова и сменой последующих кавказских наместников В.А. Соллогуб вынужден покинуть Тифлис. Однако темы, найденные на Кавказе, станут одними из самых больших удач писателя в лирике.

«В последний раз, когда я был на Кавказе, я не узнал его. Без сомнения, страна во многом выиграла... но той задушевности, того простодушия, того яркого восточного колорита, что было при Воронцове, я уже не нашел. /В крае – я позволю себе так выразиться – уже завоняло Петербургом. Одна высокопоставленная особа попросила меня написать что-нибудь в ее альбом. С моей обычной оплошностью и под впечатлением того, что мне казалось, я настроил следующее четверостишие:

Не смею выразить я вслух,
Но мир войны не заменяет;
Здесь прежде был свободы дух,
Теперь... чиновником воняет...» [8, с.514]

Вернувшись на Кавказ в 1871 году, Соллогуб вновь начинает писать. С его пера срываются стихи, которые, «хотя и грешили по форме... доставили мне едва ли не величайшую оvation, какой я был героем» [8, с. 516].

В 1871 году Соллогубу, приехавшему по случаю визита государя на Кавказ, было поручено организовать торжественную встречу Александра II с сыновьями в Кутаиси. «К этому случаю я, как всегда, должен был написать стихи». Эти стихи «на случай» «Аллаверды» были положены на музыку и до сих пор звучат на Кавказе:

С времен, давным-давно отжитых,
Преданьям Иверской земли,
От наших предков знаменитых,
Одно мы слово сберегли;
В нем нашей удали начало,
Преданье счастья и беды,
Оно всегда у нас звучало:
Аллаверды!..

Аллаверды – «господь с тобою»
Вот слову смысл, и с ним не раз
Готовился отважно к бою
Войной взволнованный Кавказ;

Нам каждый гость дарован богом,
Какой бы ни был он среды,
Хотя бы в рубище убогом...
Аллаверды! Мой друг,
Аллаверды!.. [8, с. 515]

Соллогубу удалось отразить две главные линии кавказской жизни. Одна из них связана с традиционным грузинским застольем, сохраняющим черты античного пира в риторике. Застолье это основано на устойчивом ритуале, фольклорных традициях праздника, генетически связанных с греческой хоровой лирикой. В основе его лежит объединяющее начало, форма, которая собирает пирующих в единый праздник без конфессиональных, возрастных, национальных различий. Жанр тоста является на грузинском пиру самым распространенным и гибким. Именно в жанре тоста создал В. Соллогуб одно из лучших своих лирических сочинений.

И другую, не менее существенную черту кавказской жизни смог уловить Соллогуб, верный своей устно-письменной драматургической и театральной природе. Он обращается к другому устному жанру – эпиграмме. «Где прежде был свободы дух – теперь чиновником воняет».

Эти два жанра, тост и эпиграмма, точно очерчивают центростремительный и центробежный полюса действительности второй половины XIX века, отражают контрасты существования Кавказа в пространстве Российской империи. Как ни парадоксально, но тенденция к единству людей существовала в традициях провинции – Грузии, а тенденция к бюрократиче-

скому разделению – социальному, национальному – шла от центра империи. Обе эти линии на Кавказе до поры до времени не смешивались, существовали параллельно.

В XIX веке, с точки зрения России, Кавказ был Кавказом библейским (гора Арарат), единоверным, православным (Грузия). И Кавказом имперским, разделявшим и властвовавшим.

Спустя сто лет исчезает объединяющее православное начало. Кавказ исламизируется и атеизируется и становится все более сепаратистским. По странной случайности этот процесс непосредственно касается творчества Соллогуба.

Сегодня несправедливость Добролюбова в отношении Соллогуба меркнет по сравнению со статей Муртазали Дугричилова «Об одной популярной на Кавказе песне...», опубликованной в журнале «Наш Дагестан» в феврале 2007 года. Она состоит из упоминания отдельных фактов из биографии Соллогуба и буквально дышит ненавистью к нему и к «хору незадачливых бардов», вероятно, литературоведов, придерживающихся традиционного прочтения произведения «Гост». Приводим текст Дугричилова, достаточно осведомленного в истории русской литературы.

«Кому на Кавказе не известна «Аллаверды, Аллах с тобою?..»

Кто-нибудь задумывался над тем, кем она сочинена? И по какому поводу? И зачем продолжают безымянные авторы сочинять куплет за куплетом, чернящие чеченцев, якобы «предавших» Шамиля?

Стихи эти, к сведению хора незадачливых бардов, написаны в Кутаиси по случаю приезда туда императора Александра Николаевича. В конце концов они превратились в панегирик вождям горского освободительного движения (см. ниже текст современной песни). Но, как уже сказано, нет-нет да вплетаются в них все новые и новые строфы, превратившие это произведение в полную противоположность замыслу его оригинала и замыслу его подделки.

Изначально стихи принадлежат перу графа Владимира Алексеевича Соллогуба (1813-1882). В то время он был в зените своей славы. Белинский даже ставил его на второе место после Гоголя. Во всяком случае, так свидетельствуют его современники.

В свое время граф принял вызов на дуэль со стороны Пушкина из-за пресловутой ревности последнего. Но перемирие предоставило впоследствии графу Соллогубу возможность написать знаменитую сегодня на всем Кавказе песню. Впрочем, писатель вряд ли мог подозревать, какая судьба будет уготовлена его опусу.

В России Соллогуб известен как автор «Тарантаса». Сохранился весьма выразительный анекдот по поводу названия сего произведения. Когда на Кавказе графа Воронцова сменил Н.Н. Муравьев, не пожелавший иметь среди своих приближенных «салонного баловня», он спросил Соллогуба:

– Вы автор «Тарантаса»?

– Да.

– Ну так можете сесть в свой тарантас и уехать.

15 марта 1855 года граф Соллогуб покинул Тифлис.

Что касается самой песни, то вот ее изначальный текст (далее идет текст Соллогуба). Затем автор приводит «один из многочисленных вариантов текста ставшей популярной на Кавказе песни:

Аллаверды, Аллах с тобою
И с этим именем не раз
Точил кинжал, готовясь к бою
Войной взволнованный Кавказ.

Хабаров много в Дагестане,
Расскажет вам любой аул
О том, как куплен был заранее
Ночной Гуниба караул.

В ту ночь стоял на карауле
Шамиля верный друг=наиб,
Он не боялся русской пули,
Но ради золота погиб.

Канат он бросил апшеронцам,
Чтобы взобрались смельчаки,
И над Гунибом вместо солнца
Сверкнули русские штыки...
Когда узнала мать наиба,
Откуда золота мешок,
Клеймя предателя Гуниба,

Изменник сам в волнах Сулака
Нашел безвременный конец,
Погиб предатель, как собака, –
Столкнул его родной отец:

«Иди, ищи свои червонцы,
Они лежат на дне реки,

Тебе помогут апшеронцы –
твои друзья и кунаки!»

И есть преданье в Дагестане:
Рыбак, закинув невод свой,
вдруг вместе с илом вынимает
Старинный русский золотой.

Но ни единый дагестанец
Того червонца не возьмет,
И даже нищий оборванец
его с презреньем отшвырнет» [9, с.1–4]

Не понятно, для чего нужно превращать стихи Соллогуба «в панегирик вождям горского освободительного движения» или переиначивать исторические факты, связанные с поражением Шамиля? И вообще, заниматься идеологическими набегами на пространство русской поэзии?

Но и эта переделка говорит об интересе к произведению В. Соллогуба — свидетельствует о его жизненности и органической связи таланта автора с Кавказом.

Список литературы:

1. Бороздин А.К. Собрание сочинений: В 2 т. // Литературные характеристики. Деятнадцатый век // СПб., Т. 2, 1911, 700.
2. Соллогуб В.А. Возобновление Сионского Собора в Тифлисе. Тифлис. Из 79 № газеты «Кавказ», 10.
3. Журна: Закавказский альманах. Изд. Е.А. Вердеевского. Тифлис: тип. канцелярии Наместника Кавказа, 1855. 180.
4. Добролюбов Н.А. Сочинения графа В.А. Соллогуба / Н.А. Добролюбов. Полное собрание сочинений в 6 томах. Т. 1. М.: ГИХЛ, С. 602.
5. Толстой А.К. Полное собрание стихотворений Гр. А.К. Толстого: В 3 т. Т. 1. СПб, изд. Стасюлевича, 1898. 367 с.
6. Грехнев В.А. Творчество В.А. Соллогуба в русской прозе конца 30-х – первой половине 40-х гг. XIX века: Автореф. дис... канд. филол. наук., Горький, 1967. 21 с.
7. Соллогуб В.А. Собрание сочинений: В 5 т., СПб., 1886, Т. 4. 599 с.
8. Соллогуб В.А. Воспоминания. // В.А. Соллогуб. Повести. Воспоминания. Л., 1988. С. 343–628.
9. Муртазали Дугричилов. Об одной популярной на Кавказе песне. [Электронный ресурс]. Режим доступа <http://murtazali.livejournal.com/2473.html>

COUNT V.A. SOLLOGUB AND THE CAUCASUS

I.L. Bagration-Mukhraneli

This article considers various activities of V.A.Sollogub in the Caucasus, his works dedicated to Georgia that mark a certain stage in the development of the theme of Caucasus in Russian poetry, his attempts to synthesize Russian literature and local colour and to create «Caucasian belles-lettres».

Keywords: Caucasus, Romanticism, genre, local colour, irony, utopia, myth, enlightenment of the region.